

Запасайтесь морковкой!

Мама очистила мне морковку.
— Хрум-хрум-хрум, — начал я.
— Здорово у тебя получается! — поза-
видовала мама. И очистила морковку себе.
— Хрум-хрум-хрум, — начали мы с мамой.
— Чего это вы тут делаете? — удивился па-
па, заглянув на кухню.
— Морковку жуём, — говорим мы.
И папа очистил себе морковку. Стали мы
жевать втроём.
— Хрум-хрум-хрум!
Тут к нам в дверь постучали.
— Чего вы делаете? — спросила соседка. —
У нас в квартире от вас шумно.
— Морковку жуём! — говорим мы.
И соседка присела за стол.
— Хрум! Хрум! Хрум! — хрумкали мы вчет-
вером.
Потом к нам зачастили соседи по подъезду.
— Чего вы тут творите?! — изумлялись они.
— Морковку жуём! — отвечали мы.
И они по очереди присоединялись к нам.

— Хрум!!! Хрум!!! Хрум!!! — хрумкали мы все вместе.

У нас с полок стали падать кастрюли. Стол и шкафы ходили ходуном. Оконные рамы хлопали, стёкла дребезжали.

Прохожие останавливались возле дома и смотрели на наши окна.

— Эй! Чего вы там затеяли?! — кричали они.

— Морковку жуём! — вопили мы в ответ. — Хрум!!! Хрум!!! Хрум!!!

Во дворе зашумели деревья, тревожно закричали кошки. Ещё немного, и мы устроили бы **МОРКОВНЫЙ УРАГАН**. Да вот только морковка кончилась...

Как мы смотрели телевизор

Мы с папой сидели на диване и смотрели телевизор. На экране какой-то дяденька стоял в ящике и о чём-то рассказывал.

Вдруг он исчез!

Папа встал и стукнул кулаком по телевизору. Дяденька появился, отпил воды из стакана и снова исчез.

— Что-то не клеится, — сказал папа. —
Надо подумать.

Он стал ходить по комнате: восемь шагов туда, восемь обратно.

Я считал шаги, а папа думал.

— Есть! — сказал папа и ушёл в коридор.

Вернулся он с верёвкой. Привязал верёвку к ножке телевизора и сел на диван.

Теперь, как только дяденька исчезал, папа дёргал за верёвку. Телевизор трясся, и дяденька тут же появлялся обратно.

Нам с папой было очень интересно. Один раз папа даже позволил мне дёрнуть за верёвку. И у меня получилось!

Но тут пришла мама. Она посмотрела на нас. Потом пощёлкала какими-то рычажками,

и дяденька перестал исчезать. Он всё говорил и говорил.

И тогда мы с папой выключили телевизор и легли спать.

Зверская фотография

У папы болели зубы. И от боли он делал зверское лицо. А ему надо было на новый паспорт фотографироваться.

— Немедленно получите новый паспорт! — говорит ему дяденька милиционер.

— Не могу же я с таким лицом на паспорт фотографироваться, — возражает папа, мычит от боли и снова делает зверскую физиономию.

— Как хотите, только у нас в стране без паспорта нельзя, — говорит милиционер. — С таким лицом и без паспорта вас запросто могут в тюрьму посадить.

— Эх-х! — вздыхает папа и идёт фотографироваться.

А тут у папы зубная боль и прошла. Отправились мы с ним к морю отдыхать. Только нас в самолёт не пускают. Потому что теперь у папы лицо нормальное и на паспортную фотографию не похоже.

— Это не ваш авиабилет и паспорт не

ваш, — говорит папе милиционер в аэропорту. — Вы на себя не похожи.

— Конечно, не похож, — соглашается папа. — Я теперь здоровый, а тогда больной был.

— Может, вы и теперь больной, — не верит милиционер. — Потому что не свой паспорт предъявляете. А у нас даже здоровых без паспорта в самолёт не сажают.

— Ну и дела! — говорит папа и в сторонку отходит.

Я боюсь, что папа домой вернётся и хнычу:

— Папочка, к морю хочется...

— И мне хочется, — отвечает папа. Потом грустно вздыхает и зверское лицо корчит, будто у него зубы болят.

— Вот теперь другое дело, — говорит милиционер. — Теперь у вас и в паспорте, и наяву одно лицо. Всё по правилам. Можете в самолёт садиться.

Прилетели мы с папой к морю и в дом отдыха пришли. Стали нас в комнату поселять и паспорт у папы спросили. А папа забыл зверское лицо сделать.

— Гражданин! Почему у вас паспорт чужой? Там ведь совсем другой человек сфотографирован, — говорит ему начальник дома отдыха. — Мы по чужим паспортам не селим.

— Ох, извините! — говорит папа, быстренько в сторонку отходит и зверское лицо делает.

— Совсем другое дело! — хвалит папу начальник дома отдыха. — А то ишь вздумали — паспортную внешность изменять.

И поселяет нас в комнату.

Сложили мы с папой вещи в уголок и обедать пошли. Папе есть очень хотелось, он про зверское лицо-то и позабыл. А навстречу — начальник дома отдыха.

— Гражданин! Гражданин! — кричит начальник. — Вы тут не живёте! У нас жильцов с такими лицами нет. Прошу покинуть столовую!

Весь обед папа зверское лицо делал. От этого у него зубы снова разболелись.

— Эх! — вздохнул папа. — Если я с таким лицом постоянно ходить буду, меня зубы вконец

изведут. А с нормальным лицом меня отсюда выгонят...

— Ладно! — говорю я и тоже вздыхаю. — Ну его, это море, если здесь с нормальным лицом нельзя.

Папа обнимает меня, и мы возвращаемся домой. Мама радуется, паспорт у папы не требует и из дома не выгоняет. Потому что она папу просто так любит. А не за документы.

Ух, котище!

Мама, папа и я ужинали. А кот Лукьян сидел возле стола и смотрел на нас просящими глазами.

Мама отломил кусок сыра и сказала: — Хочешь сыра, Лукаша? Скажи «мяу».

Кот молчал.

Тут к нам пришла тётя Паша — родственница по папиной линии — и села к столу.

— Лукаша, скажи «мяу», и тебе дадут сыра, — пропела она.

Кот молчал.

Тут к нам пришёл дядя Саша — родственник по маминой линии — и тоже сел к столу.

— Ну, кот, выдай «мяу», и получишь кусок сыра, — строго сказал он.

Кот молчал.

«Эх! — подумал я. — Если бы кот был большим и сильным, как тигр, они бы не стали дразнить его».

И тут кот начал расти на глазах. Он рос, рос, рос и превратился в огромного котищу-тигрищу!

— Ну-ка, все хор-р-ром, — зарычал он, — скажите «мяу» или я вас сожру!

Родственники задрожали, прижались друг к другу. И я услышал стук их зубов.

— Быстр-р-ро! — рычал Лукьян.

— М-м-м-я-а-а... — заблеяли родственники.

— Др-р-ружно! — командовал Лукьян.

— Мяу-у-у!!! — завопили родственники.

А я подошёл к Лукьяну, погладил его, почесал за ухом. И котище-тигрище снова стал маленьким котом.

Сколько весит голова?

Мама взвешивала на домашних весах арбуз, а папа смотрел-смотрел и вдруг говорит:
— Слушай! Идея! А что, если положить на весы голову и взвесить её?

Мама посмотрела на него и ничего не сказала. А папа задумался и говорит:

— Вообще-то, наверно, ничего не получится. На эти весы можно положить не больше пяти килограммов.

А мама сказала:

— Ты думаешь, твоя голова больше весит?

Папа нахмурился и ушёл из кухни. Мама положила арбуз на подоконник и тоже ушла.

А потом они выясняли отношения в комнате.

— Ага!.. — говорила мама.

— Ну-ну! — сердился папа.

А я думал: «Всё-таки наш папа умный! Я бы никогда до такого не додумался бы!»

Они всё выясняли отношения, а я взвешивал свою голову. Только у меня ничего не получалось. Когда я клал голову на весы, то не мог